

17
писем
А. Толкачёва
к студентам

ВГИК-2013

Александр Толкачёв

17 писем А. Толкачёва к студентам

«ВГИК»

2013

УДК 778.5.04.071:75
ББК 85.374

Толкачёв А. Н.

17 писем А. Толкачёва к студентам / А. Н. Толкачёв — «ВГИК»,
2013

ISBN 978-5-87149-135-5

Книга, написанная талантливым художником, опытейшим
производственником и замечательным педагогом А.Н. Толкачёвым,
посвящена работе художника-постановщика в кино. Опираясь на собственный
богатый опыт, он толково и наглядно рассказывает в ней обо всем
процессе работы художника-постановщика над картиной – начиная от
прочтения сценария и заканчивая работой на съемочной площадке. Широко
иллюстрирована фотографиями со съемок, эскизами и макетами к
фильмам. Интересна и поучительна книга будет не только художникам,
режиссёрам, операторам, киноведам и другим профессионалам, но и всем
любителям кино и хорошей умной литературы. Книга издана с максимальным
сохранением авторской лексики и орфографии.

УДК 778.5.04.071:75

ББК 85.374

ISBN 978-5-87149-135-5

© Толкачёв А. Н., 2013

© ВГИК, 2013

Содержание

Вместо предисловия	6
В начале было слово... или Знаете ли вы русского языка?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Никитович Толкачёв

17 писем А. Толкачёва к студентам

© Толкачёв А.Н., 2013

© Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова

Вместо предисловия

Дорогие друзья! **Здравствуйте!**

Эти письма – ни к чему не обязывающий – ни вас, ни меня – довольно сумбурный набор воспоминаний и размышлений о редкой и практически неисследованной и неизвестной профессии, которой я посвятил последние 40 лет своей жизни – профессии художника кино и телевидения.

Затевая эти записи, я поначалу собирался раздавать их своим студентам, на обстоятельный разговор с которыми всегда не хватает времени. Кроме того, студенты, посещающие через «пень-колоду» наши занятия, накапливают в своём образовании пробелы, снижающие квалификацию и приводящие, в конечном результате, к непрофессионализму. Впоследствии, выйдя на широкую извилистую тропу кинопроизводства, и борясь за свой «кусочек хлеба под солнцем», бывшие нерадивые студенты будут винить в своих бедах всех и вся – страну, систему, ВГИК, педагогов, – но только не свою лень и нелюбопытство.

Ныне, когда число студентов на курсе в 2 раза превышает нормативы, некогда определённые разными умными министерствами, цейтнот особенно ощутим. Я физически ощущаю, как сбивается «дыхалка» от «скачков» и принятия скоропалительных решений. На размышления, рассуждения и прочие «ковыряния в носу» нет времени ни у педагогов, ни у студентов. Кроме того, часто приходится повторяться по причинам: а) студенты нерегулярно посещают занятия, следовательно, одна и та же тема проговаривается не единожды; б) знаю по опыту, что большая часть смысла слов до студентов доходит не сразу; в) информация, полученная посредством слуха, воспринимается в десять раз хуже, чем информация, полученная посредством зрения; г) одна и та же информация оценивается по-разному в разное время; д) повторение – мать учения... Иногда я говаривал и выговаривал своим студентам, что они плохо **слышат**, что мне надоедает повторять прописные истины, что, давайте, мол, записывать на магнитофон мою болтовню, которую некоторые **слабослышащие** смогут слушать, при желании, дома, а мы будем разговаривать на более интересные темы со студентами, что-то уже **услышавшими**.

Так постепенно, исподволь, появилось желание письменно делиться своим опытом, вспоминать некоторые случаи из практики, в неназидательной форме рассказывая об особенностях и тонкостях нашего ремесла, тем более что никаких учебников и «самоучителей для начинающих кинохудожников» не существует. Написав несколько опусов, я напечатал их на своём принтере, снабдил кой-какими иллюстрациями и «пустил по студентам» – авось прочтут, хотя бы в троллейбусе по пути домой. Спустя довольно долгое время, я услышал, наконец, от студентов, как мне показалось, неискренне лестные отзывы о письмах, которые они под разными предлогами почему-то не возвращали. Я уже засомневался в нужности этого начинания, как вдруг!., пришлось, в который раз(!), убедиться в правоте утверждения Михаила Афанасьевича относительно рукописей. Оказалось, что письма мои не только не «сгорели», но и начали «расползаться», и их читали не только студенты.

Попросил Николая Николаевича Губенко, Вадима Юсуповича Абдрашитова и Александра Анатольевича Миндадзе кое-что прочесть. Не ругали. Благословили. Говорят – интересно, пиши, тебе есть что рассказать. А доброе слово, как известно... и т. д.

Одобрил мою писанину и наш зав. кафедрой мастерства художника кино Виктор Валентинович Петров, который, по его словам, успел даже зачитать некоторые черновики своим студентам. А вдруг ещё кто из студентов прочтёт? Самостоятельно.

Что ж, так и назовём, пожалуй, этот сборник – «Письма к студентам». Ясно, что там не будет никакой композиции и последовательности «повествования», не будет и конца – обо всех аспектах нашей профессии не расскажешь, всеми воспоминаниями и анекдотами не поделишься. Но начало-то должно быть! С какой «карты» пойти? С чего начать разговор о про-

фессии? А начну я его с того, с чего начинают любой разговор русские люди при встрече – с пожелания здоровья. Собственно, именно с этого я уже начал данное письмо, в котором намерен кое-что рассказать о здоровье, столь необходимом нам всем.

* * *

Итак, здравствуйте всегда, дорогие друзья!

Насколько мне известно, только у нас люди желают друг другу здоровья и при встрече, и при прощании – ведь говоря «до свидания», мы выражаем надежду на то, что у нас **достанет здоровья** свидеться ещё. Причём, пожелания здоровья, так или иначе, подразумеваются почти в любом нашем приветствии. Например, на «Мосфильме» был прекрасный маляр Гена Марчук, здоровавшийся так: «Как сам?».

А в официальных лозунгах, которых я когда-то написал великое множество, меня удивляла формулировка (или словосочетание): «Да здравствует 1-е Мая!». Конечно, это надо было понимать, ну, в очень уж широком смысле, иначе чепуха какая-то получается – пусть, мол, вечно длится праздник, пусть никогда не наступят другие дни. «День сурка» какой-то... В те времена перед государственными праздниками центральные газеты публиковали **призывы** ЦК КПСС к советскому народу. И хотя эти призывы из года в год были неизменны, организации, заказывающие нам лозунги, всегда ждали выхода новой предпраздничной газеты. Мы же потом круглосуточно «клепали» лозунги с этими «да здравствует». Иногда мы, желая сэкономить время и не подорвать **здоровье** авральной работой, заранее писали наиболее расхожие **призывы** (слово-то какое!), к наличию которых на зданиях и в руках демонстрантов партийные начальники относились очень серьёзно. Прочитую для вас, молодых и «зелёных», несколько наиболее «ходовых» призывов-лозунгов, которые пренебреженно писались белыми буквами на красном фоне и годились к любым праздникам – может быть, когда-нибудь это вам пригодится:

«Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма!».

«Да здравствуют советские женщины – активные строители коммунизма!».

Заметили? Советский народ – просто «строитель», а женщины – «активные строители». Но ни разу я не видел лозунга со словами: «Да здравствуют советские мужчины – активные...» и т. д. Не потому ли нынче мужики такие неактивные стали?

Вот призыв к вам:

«Студенты, глубже и осознанней овладевайте знаниями!».

Не обидно? Никаких тебе – «здрасьте». «Обалдевайте», и всё тут. Потому как студенты – не все до единого комсомольцами были всё-таки. Вот вам другой, писать который было мучением – слишком длинный:

«Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи – передовой отряд молодых строителей коммунизма, активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза!».

Такой лозунг, меньше чем за «червонец» писать никто не брался.

А вот этот – рублей за 7–8 можно:

«Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великая направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!».

Скомпоновать все эти буковки довольно трудно было. То ли дело:

«Слава КПСС!».

Девять букв – трояк! Восклицательный знак – в подарок! Любимый лозунг.

А в Кремле, поднимая хрустальный фужер, непременно произносили **здравицу** в честь... см. выше.

Может быть, и эти казённые «да здравствует» подтолкнули нас на поиск любых синонимов доброму слову «здравствуй»? Мы стали походя «бросать» при встрече – «Привет». Иногда приветствовали – «Салют!». Это – понятно. И всё равно, чаще – «Здоров!». Или – «Здорово!», с ударением на 2-й слог. И это было правильно. Ибо нет ничего дороже **здоровья**, и пожелание его – есть знак наилучшего расположения к тебе **здоровящегося** с тобой человека. Бывало, «кореша» и до двух букв сокращали: «Зд...». Но **тема здоровья** оставалась и в двух буквах.

Дальше косяком пошли иностранные «заменители». Все они, по сути, хуже нашего утвердительного «здравствуй!». В «хаудуюду» «дует» знак вопроса. Но не дай вам Бог ответить на это приветствие правдивым – «Плохо». Это не вписывается в ритуал. И вежливо-безразличное «How do you do?» вовсе не предполагает ответа. На наше же «Как жизнь?» или «Как здоровье?» ответить можно. Вариантов ответа – неисчислимо множество.

Что означает астматическое «хай», думаю, не знают и сами «хайящие».

Почему мы так бездумно «обезьянничаем» и иногда, поднимая традиционный стакан «за здоровье», вдруг сопровождаем его птичьим «чин-чин», а при прощании, вместо твёрдого и доброжелательного «будь здоров», нараспев тянем невразумительное «ча-а-о-о» или «бай-ба-а-ай»?

Мне кажется, не в последнюю очередь наше с вами телесное и духовное **здоровье** зависит и от этого.

А здоровье нам, ох, как необходимо!

Считаю своей обязанностью предупредить вас, что работать в кино, имея слабый или капризный организм, чрезвычайно трудно. Когда вы поступали во ВГИК, никто, конечно, не предупредил вас о тех, подчас тяжелейших условиях, в которых вам придётся жить и работать, покинув тепличный микроклимат вуза. Перед поступлением вас обязали пройти различные медкомиссии, где вас проверяли по всяким параметрам, но никто не проверял вас: на выносливость и неприхотливость; на способность работать по двое суток без сна и отдыха в душных павильонах и интерьерах или в лютую стужу в степи; на способность нерегулярно поглощать случайную и отвратную пищу в антисанитарных условиях; на способность обходиться без тёплого клозета; на коммуникабельность, терпеливость и небрезгливость. Щадя ваше терпение, я перечислил лишь малую часть неприятностей, всегда сопутствующих нашей профессии. Это – всего лишь данность, как перегрузки, невесомость и борщ из тюбиков у космонавтов.

Знаете, кинематографисты – это «клан» каких-то **других** людей с **другой**, нежели у всех прочих, системой взаимоотношений и мироощущений, с другими, если хотите, нервной и пищеварительной системами. Сбившись на какое-то время в некую «стаю», эти люди, чаще всего, живут только законами этой «стаи», забыв семьи, детей, родителей и себя. Они клянут: это проклятое кино; самодура-режиссёра и идиота-продюсера; всегда омерзительную погоду и отвратную гостиницу; себя-дурака, согласившегося работать на этом гадком проекте; тьму уродов, из которых состоит съёмочная группа; мерзавцев-артистов, ставящих всех на уши... Они ждут-не-дождутся, когда же, наконец, закончится это кино и можно будет вычеркнуть из памяти все дразги и склоки, любви и ненависти, эти опостылевшие мерзкие рожи... Проект заканчивается, «стая» рассыпается, но индивидуумы, ещё не успев «зализать раны», ищут новую «стаю», которую также будут клясть и проклипать, и без которой жизнь их теряет всякий смысл.

Случайные люди в **кино** долго не задерживаются. Они не могут выдержать ни тот ритм, в котором живут «киношники», ни условия жизни, в которой **кино – это и есть жизнь**. На другую жизнь настоящие «киношники» просто неспособны. И не потому ли, кстати, в кино работает так много незамужних и «неустроенных» «тётенек»?

Милые наивные барышни, пришедшие учиться «на художника кино»! Знайте: **кино – это всегда грязь, пот и мат**. Цветы, шампанское, хорошие слова и жидкие аплодисменты бывают редко, да и то – **после кино**, то есть тогда, когда вы к фильму уже не имеете никакого

отношения. Ещё вынужден вас огорчить, предупредив, что у телевизионных фильмов шумных премьер вообще не бывает. Соответственно, не бывает ни цветов, ни аплодисментов, и члены бывшей «стаи» не «кучкуются» для совместной пьянки. Все создатели и прочие члены разрозненно сидят у своих телевизоров, потягивая свой личный напиток и, в лучшем случае, чокаясь через телефонную трубку с бывшими сотоварищами. Причём, я ещё не встречал ни одного «создателя», который посмотрел бы весь свой сериал целиком. Режиссёр – не в счёт, он его монтировал. А оператору вся эта «байда» осточертела ещё в процессе съёмок. Вам его тоже посмотреть не удастся, потому что – непременно в это самое время – приедет тётя из Воронежа, у любимой собачки начнётся понос или, как назло, вырубят свет во всём районе. Но даже если вы отключите все телефоны, выгоните всех гостей, собак и родственников, и, на всякий случай, обзаведётесь генератором, сомневаюсь, что у вас хватит терпения сидеть каждый вечер у телевизора в течение двух-трёх недель, а то и месяцев. Не обманывайте себя, если вам подарят набор DVD-дисков с полной версией вашего сериала, что вы, как-нибудь на днях, выберете время и в спокойной обстановке посмотрите плоды рук своих. Этого не случится никогда! И не ставьте друзей и родственников в неловкое положение вопросом, смотрели ли они ваш сериал. Любой предмет искусства должен быть **соразмерен**. В противном случае, не хватит никакого **здоровья** даже на просмотр собственной многосерийной «лабуды», если вам над таковой, не дай Бог, придётся работать.

Счастливая пора – выбор природы. Казалось бы, что может быть приятней – едешь, куда хочешь и смотришь, на что смотрится. Но, дорогие мои, здоровье и нервы должны быть железными и в эту, почти безмятежную, пору. Самолёты-поезда – хорошо. 300–400 вёрст в день по отвратительным дорогам – сносно. Несварение желудка в неожиданных местах – терпимо. Но бывает, что требуется море здоровья, чтоб выбрать природу всего лишь в 30–40 км от дома! Представьте – глубокая осень, непрерывно морозящий мерзкий дождь. Природа – танкодром в ближайшей воинской части. Сидя в тёплой комнате или комфортной машине, везущей тебя к намеченной цели, трудно даже представить, что будет с тобой через очень короткое время. Нет, вам лучше не знать, что мокрая глина, разъезженная танковыми гусеницами, налипает на вашу обувь пудовыми веригами, не давая возможности выдернуть ногу из глубокой колеи – других дорог там нет. Расслабьтесь – башмаки вам придётся выкинуть, а штаны, из жалости, очень долго стирать, потому что глина там какая-то очень жирная, на солёной и мазуте замешанная. А сверху – гнусная морось, и очень скоро вы, поначалу вспотев в борьбе с глиной, начинаете коченеть. Но другого времени и места для выбора природы не будет, и поэтому вы её выберете. Здесь и сейчас! Невзирая ни на что! Сопrotивляясь природным неприятностям, вы одновременно фотографируете, пытаетесь представить, как здесь будет зимой и как придётся работать группе в таких условиях, зарисовываете в мокром блокноте схему расположения разных дзотов и капониров, роняя при этом в непролазную грязь свой дорожный «Nikon», и весело переговариваетесь с режиссёром и оператором, находящимися в таком же интересном положении. Как вам картинка? Романтично, не правда ли? И я испытал подобное десятки раз. Потому – организм мой закалён жизненными невзгодами, нервы – на зависть любому, только вот язык «подкачал».

Не менее романтично, скажу я вам, ребята, выбирать природу в самом разгаре лета, например, в Израиле, или в начале зимы на Кольском полуострове, пытаетесь представить в наступивших полярных сумерках красоты весеннего пейзажа.

Вам, ступившим на извилистую стезю кинохудожника игрового кино, надо как можно скорее решить для себя, топтать ли по ней дальше или, пока не «засосало», свернуть, например, на «хай-вэй» компьютерной анимации. Я своим «барышням» разрешаю (даже настоятельно рекомендую) как можно раньше окунуться в омут студенческого **кино** – авось, хлебнув всяких неприятностей, сбегут куда-нибудь, тем самым слегка поубавив переизбыток студентов в нашей группе. Ан нет, не бегут. Даже прибавилась ещё одна – перебежчица с «костюма».

Кино – это зараза. И способов лечения от этой заразы нет. Да и надо ли? Ведь зараза эта быстро вызывает у человека некую **кинозависимость**, жить без которой «заражённому» потом очень трудно. Пожалуй, единственное, что помогает с успехом преодолевать все гадостные стороны этой болезни, – **здоровье**, как физическое, так и моральное, нравственное, **душевное**, если хотите.

Если вы – мусульманка, иудейка или, не дай Бог, вегетарианка – забудьте, приготовьтесь вкушать одинаковый для всех «кинокорм» или – страдать на «подножном». Я, например, редко ем на площадке и «выбиваю» из продюсеров-директоров денежный эквивалент. Делаю я это вовсе не по религиозным или гастрономическим соображениям. Просто – ничего с этим не поделаешь – мне претит кидаться к кормушке «по свистку», в то время как организм мой хочет чего-то другого. И потом – я редко бываю в нужный момент у «раздачи», ведь мы, как правило, готовим следующий объект. Мои товарищи и помощники, имея пример, тоже чаще берут деньгами, и мы не тратим нервы и **здоровье** на остывший суп или на макароны вместо гречки. Примите к сведению.

Будьте аккуратней с алкоголем – на него тоже уходит много здоровья. Умение много выпить, особенно – с мороза, особенно – «с устатку», особенно – с **нужными** людьми, особенно – под борщ, особенно – под соловьиное пение, – нынче не в чести, знаю по себе. Даже если вчера вечером, вы, сидя в гостиничном кабаке с нужными для работы людьми, пили исключительно чай с лимоном, всё равно наутро к вам будут приниматься и приглядываться, а ничего не унюхав и не углядев, всё равно пустят слух, что вчера вы «нажрались» или «слегка наклюкались». И это – тоже **данность отношений** в нынешнем кинематографе. Ведь это так понятно – есть возможность возвыситься, унизив другого, естественно, выше тебя по рангу. Да это – вовсе и не унижение, а так, что-то наподобие профилактики. Ну, что-то там, издавека, показалось... Так что, берегите здоровье, не тратьте его на отмывание от наветов за невыпитую рюмку. За выпитую – тем более. Наше **кино**, сколько бы студий теперь ни развелось, – деревня достаточно небольшая, и, так или иначе, все у всех на виду. Запомните это. Канули в Лету времена, когда съёмочная группа была дружным коллективом. Тогда дружно работали и дружно же «расслаблялись». Это – отдельная тема, может быть, расскажу в другом письме и об этом. Прошли времена «умных пьяниц» и «талантливых алкоголиков». Вы можете быть чертовски талантливы, ответственные, умны и обаятельны – к вам всё равно будут относиться пренебрежительно-презрительно, если от вас «попахивает». Лучше, конечно, не пить вовсе... И это – не веяние моды. Страна столь сильно изменилась, что пить теперь – **неактуально**. Теперь иногда гораздо **выгодней** быть трезвым «дебиллом», а если своей придури не хватает, опять же выгодно «косить» под дурака – меньше спроса. А дивидендов больше. Многие так и делают. (Почитайте, кстати, давно написанный Виктором Конецким рассказ «К вопросу о квазидураках»).

Ныне, – не надо далеко ходить, оглянитесь вокруг, – всё чаще на должностях, ранее считавшихся мужскими, с успехом работают женщины. Но об особенностях их организма, как и прежде, никто не задумывается. За примером достаточно спуститься в антракте к туалетам в Доме кино. Там, как и в любом ином общественном месте, вы увидите многострадальных женщин, с трудом удерживающих в себе эмоции, переполняющие их после трёхчасового просмотра. Похоже, архитекторы и проектировщики всех стран, все до единого – существа бесполое. Или – женоненавистники. В съёмочных группах, правда, в последние годы стали привозить на площадку кабинки биотуалетов. Но это – роскошь, допускаемая только во время съёмок. В прежние годы я начинал строительство любой серьёзной декорации на натуре со строительства сортира, никогда не предусматриваемого ни одной сметой. Поэтому сортир всегда был для группы моим личным подарком, построенным из **«сэкономленных материалов»**. Моя жена, художник-постановщик Элина Бурдо – так случилось – однажды была вынуждена построить в шеренгу бригаду мужиков-плотников и велела всем смотреть в даль

бескрайних, заснеженных саратовских степей, пока она за их спинами «рассупонивала» свой замечательный, с «молниями» **на груди**, импортный комбинезон. А на съёмках «Вкуса хлеба», когда ещё не существовало понятия «биотуалет», наши «гримёрыши-костюмёрыши», пошушукавшись, надолго уходили с площадки в глубь казахстанских степей изучать ковыли и другую скудную флору. Дальше – по Некрасову: «И, покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами». А видно там оч-чень далеко... Не касаясь иных особенностей женского организма, не предусмотренных никаким законодательством, просто скажу: делайте выводы, барышни. Будьте готовы к разного рода неудобствам и неприятностям, непонятным существам мужского пола, а потому – будьте терпимы, терпеливы и **здоровы!**

Здоровье не купишь. Фразу настолько износили и заездили, что, повторяя её, перестали задумываться о глубоком смысле этих трёх слов. А зря.

На время работы на проекте лучше всего забыть о днях рождения друзей, свадьбах родственников, похоронах, кинопремьерах и вернисажах. Так спокойнее. «Родила? Кто? Жена? Молодец, поздравляю. Старик, какое – навестить жену!? У нас съёмки!!! И потом – ведь это она родила, не ты. Попозже навестишь. Она поймёт». «Умер? Кто умер? Когда? Надо же – горе какое! Старик, какие похороны?! Угораздило же умереть, когда у нас съёмки. Потом цветочки положишь». Это почти цитаты. Так что очень желательно, чтобы крепкое здоровье было не только у вас, но и у всех ваших родственников и знакомых. Это я понял ещё на первой картине «Пришёл солдат с фронта», когда из экспедиции, в которой пробыл 8 месяцев, я смог вырваться на 3 дня на похороны отца.

В нашей климатической зоне, слава Богу, не бывает землетрясений и всяких цунами, но если непредсказуемый ураган сметёт вашу декорацию, **кино будет продолжаться!** Бывало и такое. На том и стоим!

Как ведёт себя нормальный человек в преддверии юбилея? Представьте – он дожил до 60-ти лет! Не всем так везёт. Нормальный человек загодя готовится к этому событию – заказывает ресторан, обзванивает друзей, моет шею и трепетно ждёт поздравления и подарки... Ненормальный **киношный** человек, никого не предупредив и не ожидая никаких (раньше традиционно чаще всего дарили недорогие позолоченные часы, видимо, для напоминания о быстротечном времени) подарков, срывается в город Котлас (знаете, где это?) на выбор природы, взяв с собой в напарники администратора, который мирно дремлет в машине, пока юбиляр, промокший до нитки, носится как угорелый под дождём по буграм и буеракам, заросшим мокрой крапивой и полынью, фотографирует виды Северной Двины и её берегов, обтянув фотоаппарат полиэтиленовой шапочкой для душа, которую он предусмотрительно прихватил в хорошей пермской гостинице, где жил несколько дней назад, пытаясь на берегах Камы подобрать природу для этой же картины. Потом он, вернувшись в свой гостиничный номер котласской гостиницы, переодевается в сухое, параллельно разговаривая по «мобильнику» и принимая немногочисленные поздравления, засовывает мокрую одежду и раскисшие кроссовки в полиэтиленовые пакеты и торопит администратора ехать на вокзал за билетами, чтобы успеть на поезд, отправляющийся в Москву в 17.20. В поезде он складывает фотографии в панорамы на своём ноутбуке, а утром, с поезда, едет на студию, где заявляет не подозревавшему о прошедшем юбилее режиссёру, что Северная Двина – тоже «говно», показывая в подтверждение своих грубых слов сложенные в поезде панорамы, просит администратора купить билет на ближайший поезд до станции Ветлужская, которая находится в Нижегородской области, едет домой, вернее, в мастерскую, где принимает поздравления от жены в виде поцелуя и флакона туалетной воды, в 18.40 садится в поезд уже без ненужного администратора и в 2 ночи, всё ещё трезвый, заселяется в пансионат «Лесная сказка» с тем, чтобы с утра начать новые поиски... «Старик! Какой, к лешему, юбилей!? У тебя **природы нет!** А ты – юбиле-е-ей!», – говорит ему внутренний голос.

Это я тоже про себя рассказал, если кто не понял. По картине «Живи и помни» надо было постараться найти Сибирь поближе к Москве. Мы «утрамбовывали» сроки, боясь упу-

стить зимнюю натуру, а мне, кроме всего прочего, надо было успеть придумать и построить несколько декораций. Как видите, ничего «героического» и «идиотического» в моём поступке не было. **Работа – прежде всего.** Есть даже масса положительного в том, что я отметил юбилей **так.** Во-первых, я сэкономил кучу денег, времени и **здоровья**; во-вторых, избавил друзей и товарищей от лишних трат и хлопот по поиску недорогого и необидного подарка; в-третьих, рассекая мокрое разнотравье по-над кручами Северной Двины, я дышал свежим воздухом и ощущал такой прилив сил, что местный водитель, возивший нас, видя мою прыть, и удивившись, спросил администратора о моём возрасте; в-четвёртых, я не успел обидеться на (бывший когда-то родным) «Мосфильм», естественно, не поздравивший меня с юбилеем (теперь на «Мосфильме» никто никому не нужен, и даже о смерти известных работников никто не извещает); в-пятых, я испытал нечаянную радость, получив от ставшего родным ВГИКа поздравительную открытку и 500 рублей денег от вгиковского профсоюза, в котором я состоял только в студенческую пору; в-шестых, я в первый и последний раз повидал город Котлас и отмёл его как вариант, что тоже немало; в-седьмых, я не испытал «постпраздничного синдрома», когда беспокойная совесть терзает тебя сомнениями – не обидел ли ты кого ненароком... Хватит и этого перечисления для подтверждения постулата: **Работа – ВСЕГДА ПРАЗДНИК!** Кстати, когда-то была возвышенно-бодряческая песня, которую очень часто «передавали» (было такое специфическое слово) по проводному радио (которое, как известно, никто никогда не выключал) в утренние часы, и в которой среди прочих оптимистических слов были радостно-приподнятые: «Трудовые будни – праздники для нас!». Качество звучания мощного хора в тех репродукторах позволяло народу более правильно понимать этот поэтический оборот: «Трудовые будни – в праздники для нас».

Когда-то страна кинула клич: «Работать на сэкономленных материалах!». Не страна, конечно, чиновники такое придумали, а страна откликнулась. Нет, не страна, она откликаться не умеет, народ откликнулся. Нет, не народ, – народ, конечно, как всегда, безмолвствовал, чиновники откликнулись, которые пониже рангом. А народ – куда ж ему деваться – стал работать под лозунгами, типа: «Каждый десятый трактор Родине – из сэкономленного металла!» или «Каждые пятые брюки – из сэкономленного материала!». Что ли, шорты они там шили? Представьте, вы приходите во вгиковскую столовую, а там – объявление: «Сегодня котлеты приготовлены из сэкономленного мяса». Примерно тогда же возник знаменитый брежневский лозунг-каламбур, висевший чуть ли не на каждом заборе: «Экономика должна быть экономной!». Те времена давно прошли, а вот принцип, по-моему, просто-таки цветёт и пахнет в нынешнем кинопроизводстве. И в советские времена следовали, кажется, ещё ленинскому лозунгу: «Социализм – это учёт!». Без учёта ты шагу не мог ступить. И на дверях магазинов часто красовалась стационарная табличка «Закрыто на учёт». Скажите, молодые люди, видели вы когда-нибудь такую табличку? Нет? А всё потому, что без причины нет следствия. Кончился социализм – нет никакого учёта. Весь учёт ведут те, у кого бабло, чисто-конкретно, в руках. Знаете, какая цепочка таких «учётчиков» находится между теми, кто даёт какие-то (чаще всего, небольшие) деньги на производство фильма, и теми, кто эти фильмы делает? Нет? И никто толком не знает. А когда настоящий хозяин денег, спохватившись и испугавшись, что слишком мало доходит его кровных до **производства**, ставит своего «дракона-учётчика» приглядывать за теми «учётчиками», получается ещё хуже – у «дракона» и аппетиты драконовские. Вот и приходится нам чаще всего делать **высокое искусство** из «**сэкономленных**» средств. Эти мои наблюдения – не обвинение в чей-то адрес. Просто «**капитализм**» **наш** пока что, думается, существует только в кавычках. Так что, друзья, когда вас позовут работать на картину и даже назовут сумму, заложенную в смету на строительство декораций и приобретение реквизита, не обольщайтесь – будет великое множество причин принизить полёты ваших творческих фантазий. Поэтому, заботясь о **своём здоровье**, заранее поугомоните свои фантазии, поугомоните. Придумывайте как-нибудь так, чтобы не слишком докучать продюсерам

и директорам финансовыми вопросами. И очень желательно, чтобы всё возникало само собой, а если не само собой, то, по возможности, без их участия. А если ты «чегой-то шибко сильно размахнулся» в фантазиях – плати-делай сам. Принцип «**Сам придумал – сам корячься**» в нынешнем кинематографе выполняется, можно сказать, неукоснительно. По моим наблюдениям, нынче больше нужны художники, которые поговорчивее, попроще, что ли, без полётов этих, знаете, и прочих там фантазий. Мороки, знаете, с этими, которые с фантазиями, много. Иной раз приходилось слышать: «Художник у нас был – говно, ни придумать, ни сделать ничего не мог». Глядь, а они же снова его же взяли на новый проект. Потому что – **удобно со всех сторон**. Подумайте и над этим.

В одном из писем вы, если не поленитесь, найдёте достаточно подробный перечень вещей, которые необходимы на выборе натуры и в экспедиции для сохранения вашего здоровья. Есть, кажется, и рекомендательный список, основанный на личном опыте. Но ещё, никогда не забывайте о привычных для вас мелочах, ибо ничто, пожалуй, не портит так жизнь, как отсутствие привычных только для вас мелочей. Иногда надо потакать своим прихотям и капризам. Для пользы здоровья и дела. А помня о привычках и маленьких «слабостях» ваших товарищей и подчинённых, вы улучшаете тем самым их настроение и, следовательно, здоровье.

Вон японцы заставили всех всегда улыбаться, потому и продолжительность жизни у них самая большая. Да и технологии у них тоже не хилые. Не хуже наших, кажется. Я ещё по «Денискиным рассказам» запомнил, что существует прямая взаимосвязь между механическим растягиванием мимических мышц лица в улыбку и биохимическими процессами, происходящими в организме.

Только что в очередной раз убедился в женском сверхъестественном чутье. Вошла жена и, даже не зная, чем я занимаюсь, сходу сказала примерно следующее:

– Ты не забудь сказать своим барышням, что улыбка у них всегда должна быть **ВО**, – показала, **какая**, – лицо должно быть постоянно хорошо нарисованным, глаза гореть, одежда сверкать. И чтобы никогда сами не забывали, что они – женщины! Если надо что-то срочно сделать, можно, будучи в чистой одежде, взять кисть и подать пример, но не более. И чтобы в юбках ходили! Тогда их будут уважать и сделают что угодно. В лепёшку разобьются, а делают.

Совершенно с ней согласен. Она не так давно приехала ко мне в Ярославль, в гости, а вместо отдыха – буквально спасла объект, который мы должны были сделать к утру. И я, и все мои мужики и пацаны закисли – устали и еле ползали. Кроме того, у меня «картинка» в голове не очень складывалась. Мы съездили с ней в ночной магазин и купили ребятам всякой еды. Потом она, без укоров и призывов, взяла кисть и начала красить стену. Даже мой декоратор, крайне редко, из-под палки, делавший что-либо руками, через пять минут последовал её примеру. Ребята зашевелились, сон бежал, и часам к 5-ти утра мы всё закончили. Это потому, что Эля была в брюках. Будь она в длинной юбке с **маховой** кистью в руках – до 2-х бы управились. Трёх ребят мы развозили по домам, и по дороге все болтали без умолку. Настроение было хорошее – мы молодцы! Декорация, к слову, наутро всем понравилась.

В съёмочных группах Вадима Абдрашитова на площадке всегда звучала музыка, и звукооператор Лиля Тереховская очень тщательно подбирала её «ассортимент». Мы настолько привыкли к знакомым мелодиям, что, казалось, не замечали их, не слышали, но, стоило надолго наступить тишине, возникал явный дискомфорт, что-то начинало мешать и раздражать. Говорят, под музыку и хлеба колосятся лучше, и коровы дают больше молока, причём, сразу сгущённого.

В любом коллективе обязательно найдётся человек, которого, почему-то, все недолюбливают. И, как правило, есть человек, которого, почему-то, никто не воспринимает всерьёз. Постарайтесь не попасть в их число, и вы сохраните **здоровье** и себе, и окружающим.

Никогда не носите в себе обиды и, тем более, не копите их. Пожалуй, нет ничего хуже человека, на лице которого лежит печать обиженного. У него и пластика какая-то другая. И самое противное, что причина обиды, на поверку, оказывается ничтожно маленькой, или её вовсе не было. А **здоровья** на эту глупость ушло много. Все обиды надо разрешать сразу, здесь и сейчас, «не отходя от кассы».

Есть ещё причина, пожалуй, **основная причина быть здоровым** – это **отсутствие какой бы то ни было социальной защиты**. При социализме у нас был такой, как бы всеобщий, профсоюз. Был и лозунг-утверждение: «Профсоюзы – школа коммунизма!». Поскольку коммунизм отодвинули в неведомую даль, «школа» стала неактуальной. Нет, где-то профсоюзы существуют, успешно борются за права своих членов, могут, например, всю Францию «поставить на уши». Но у них там – капитализм без кавычек, и люди давно умеют считать свои деньги, которые, по большому счёту, являются эквивалентом **здоровья** и жизни. У нас тоже есть всякие профсоюзы и собесы, но «сборная солянка киношников» к ним никак не относится. У киношной братии нет также никакой защиты со стороны (уже ставших мифическими) отделов охраны труда и техники безопасности. Поэтому, не дай вам Бог, получить травму на съёмочной площадке или серьёзно заболеть, работая на проекте. В первом случае вы никогда не докажете, что получили травму не по собственной дурости, во втором – вас просто выкинут с проекта. В обоих случаях вы не получите ни копейки, если, конечно, добрый продюсер (из жалости или от хорошего к вам отношения) не «подкинет» вам из сэкономленных средств небольшую сумму – на бедность.

Учитите это.

И – НЕПРЕМЕННО – БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ ВСЕГДА!

В начале было слово... или Знаете ли вы русского языка?

Задумывались ли вы о том, как плотно всю жизнь нас окружают всевозможные буквы и цифры? Они появляются сразу после нашего рождения на роддомовских бирках и долгие годы напоминают о нас после нашей смерти.

Буквы буквально преследуют нас повсюду. Одни нагло лезут в наше сознание с сумасшедших рекламных щитов и грязных заборов, другими испещрены всевозможные упаковки и любые предметы быта и одежды, третьи информируют и руководят нами в житейском море... И, конечно же, несметное количество букв таится в неисчислимом множестве книг и другой печатной продукции. Буквы заполнили абсолютно всё пространство вокруг нас.

Мы и людьми-то стали лишь благодаря изобретению письменности.

Надо сказать, что ранее к буквам, точнее – к **слову** – относились весьма почтительно и, если хотите, трепетно. В русском языке есть множество пословиц и иных мудрых наблюдений, посвящённых **слову**.

Ныне же, когда количество разных слов «на душу населения» постоянно растёт в геометрической прогрессии, на мой взгляд, столь же стремительно падает цена и смысл **слова**. Я ещё застал времена, когда к печатному **слову** относились более чем уважительно, а слова, напечатанные в газете, особенно – в «Правде», народ воспринимал как незыблемую истину.

За **слово**, как известно, ставили памятники, ссылали в каторгу и «пускали в расход»...

На удивление быстро подзабылось сравнительно недавнее время, когда далеко не каждый гражданин СССР имел конституционное право купить себе пишущую машинку. Нужно было собрать кучу документов, доказывающих необходимость и **право** иметь в личной собственности «множительную технику». И хотя на этой «технике» можно было с большим трудом «пробить» под копирку не более шести страниц «слепого» текста на папиросной бумаге, каждая машинка была **зарегистрирована** Великим Государством, и ты не имел права подарить или продать её кому-либо без разрешения этого государства. Такое было отношение к **слову**. Власть боялась **слова**.

Но ещё Маяковский три четверти века назад сокрушался, что «Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платья...».

Обратили внимание: на заборах и иных свободных уличных плоскостях ныне, по большей части, красуются надписи латинскими буквами, а родные, с детства привычные слова, начертанные угловатыми буквами славянского алфавита, ранее считавшиеся «непечатными», легко перекочевали в печатные издания? Но печаль, думаю, не в этом.

Когда-то большевики с успехом решили одну из своих главных задач – **ликбез**, т. е. ликвидацию безграмотности, и долгие годы мы гордились тем, что мы – **самый читающий народ в мире**. Не анализировалось, правда, **что** мы читаем и **как**.

Все члены КПСС (Коммунистической партии Советского Союза) в обязательном порядке выписывали газету «Правда», а несметная армия комсомольцев (членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи) умело направлялась Партией и Правительством на новые подвиги не без помощи «Комсомольской правды». Все областные города необъятного Союза выпускали свою «Правду», а в Союзных республиках – минимум на двух языках. Получалось, что в стране великое множество **правд**. Хотя в Саратове, например, областная газета называлась не «Саратовская правда», а коротко и однозначно – «Коммунист». А молодёжная газета, с которой я долгие молодые годы сотрудничал, имела скромное название «Заря молодёжи». Тысячи и тысячи редакций и типографий районных газет заваливали квартиры законопослушных граждан своими «правдами», неустанно «сея разумное, доброе»... и вовсе не

вечное. Прибавьте к этому сотни тысяч многотиражек, выпускаемых на каждом заводе, почти в каждом колхозе и в каждом уважающем себя учреждении. И все эти миллиарды кубометров газетной бумаги, испещрённой буковками и фотографиями преотвратного качества, так или иначе использовались в быту.

Надев после ВГИКа солдатскую форму, я, по мере своих возможностей, укреплял моральный дух Советской Армии, служа в дивизионной газете «Таманец».

Прошу также не забывать о многих сотнях самых разнообразных «тонких» и «толстых» журналов, бывших, в частности, хорошей и престижной «кормушкой» для художников.

Ныне остаётся только удивляться, что вся эта несметная масса печатной продукции, постоянно находящейся под «неусыпным государевым оком», была востребована. Вам, как художникам, необходимо знать, что самые длинные очереди по утрам выстраивались именно у газетных киосков (коих в советское время было великое множество), а уж потом – у пивных ларьков (коих было катастрофически мало). В любой квартире вы увидели бы кипы газет и журналов, несмотря на то, что вся эта «макулатура» в основном использовалась в качестве туалетной бумаги и обёрточного материала. Когда вам придётся воссоздавать «эпоху социализма», не забудьте, что дефицит обёрточной бумаги в магазинах вынуждал продавцов заворачивать в газеты селёдку и колбасу, что газета была идеальной одноразовой скатертью в любых условиях, что гладить брюки удобнее всего было через газету, что заботливые жёны заворачивали в газеты бутерброды и сменное бельё мужьям, отправляющимся на работу и в командировку; в газетные же кульки и кулёчки насыпали крупу, сахар и семечки, а смоченные и высушенные комки газет подчас служили отличным топливом... Нынешние газеты столь разительно отличаются от газет, например, двадцатилетней давности, что ныне **ответственный художник** вынужден за большие деньги изготавливать газеты **тех времён** даже для оклейки стен декорации.

Недавно молодой сорокадвухлетний реквизитор не смог сделать из газеты ни одной примитивной сигареты-самокрутки, которые долгие годы курил не только Непобедимый Советский солдат, но и почти весь рабоче-крестьянский народ. Да, время идёт...

* * *

Когда-то ненавязчивая советская реклама скромно утверждала: «Книга – лучший подарок!». Утверждала справедливо, ибо купить нужную или просто хорошую книгу было практически невозможно. Поэтому многие интересные книги мы перепечатывали на машинке или переснимали и печатали на фотобумаге, перепечатывали с перепечатанного и переснимали с переснятого... Помнится, что «Роковые яйца» М. Булгакова я прочитал в конце 60-х в очень плохом машинописном варианте и был потрясён. Мне так захотелось поделиться своими впечатлениями, что я самостоятельно перепечатал произведение, заняв машинку у друзей-сценаристов. «Собачье сердце» и «Мастера и Маргариту» я впервые прочитал тоже в «самиздатовском» виде. А в середине 70-х я переснял на фотоплёнку один из томов «Архипелага ГУЛаг», тайком привезённый друзьями из Лондона.

В СССР был хронический дефицит товаров. Хорошая книга не была исключением. Поэтому некоторые «наши люди», коим удавалось побывать в «загранице», привозили оттуда не джинсы и другие шмотки, а книги, изданные у нас же. В любой стране можно было легко купить книги, о существовании которых мы даже не подозревали. Судя по всему, это было частью внешней политики Советского Союза – издавать небольшими тиражами книги не особо жалюемых нашими властями писателей и торговать ими в иных странах, чтобы заткнуть пасти всяким недоброжелателям и пасквилянтам, нагло клеветующим на нашу Родину злобными измышлениями об отсутствии свободы слова и печати в СССР. Я тоже привёз году в 86-м из Польши «духовную пищу» в виде нескольких томов Цветаевой, Ахматовой и Гумилёва,

сэкономив на суточных, т. е. на пище гастрономической. Болгария и Польша были, пожалуй, самыми доступными для «простого советского человека» странами. И хотя бытовало выражение «Курица – не птица, Польша – не граница», необходимо было преодолеть массу всевозможных препон и пережить ряд унижительных процедур (в том числе – медицинских), чтобы попасть туда. Я уж не говорю, что необходимо было пройти самый настоящий экзамен, где серьёзные люди легко могли «зарубить» твою кандидатуру по политическим соображениям. Например, собираясь в лояльную Канаду на съёмки нескольких эпизодов киноэпопеи «Вкус хлеба», снимаемой, между прочим, по госзаказу, мы были вынуждены всерьёз изучать историю, географию и политический строй Канады и старались запомнить фамилию Первого секретаря ихней Коммунистической партии. В Канаду я так-таки и не попал (по экономическим соображениям), но опыт и ненужные знания остались.

Думаю, вам следует знать, что таможенники любой страны мгновенно узнавали прибывшего советского человека не столько по одежде, сколько по «советским» чеходам, забитым консервами, копчёной колбасой и супами в пакетах. Иметь валюту ты никак не мог, обменять деньги тоже было нельзя, суточные, даваемые государством на прокорм, были откровенным плевок в морду, а привезти хоть какие-то сувениры хотелось. И – голь на выдумки хитра – наши люди варили яйца и пельмени кипятильником в раковинах умывальников, механики съёмочной аппаратуры жарили картошку в банках из-под плёнки, а костюмеры Большого (!) театра запекали мясо между двумя утюгами.

Вряд ли вы сможете понять, сколь унижительно было наше положение на Международном кинофестивале 1988-го года в Каире, когда на все 8 дней нашего пребывания нам выдали по 10 долларов США на нос, справедливо объяснив, что жрачка там халявная, а 10 долларов – щедрость государства на случай непредвиденных обстоятельств. Непредвиденные обстоятельства возникли сразу же. В понтырном пятизвёздочном отеле «Semiramis», где нас поселили, действительно был халявный «шведский стол» с невероятным выбором всевозможных острых и сладких блюд, но любая жидкость, спокойно стоящая на наших столах (за исключением единственной бесплатной чашки кофе **или** чая на завтрак), была нам недоступна. Десятидолларовая купюра, которая в Москве казалась мне чуть ли не пропуском в незнакомый мир, оказалась бумажкой, на которую я мог купить в отеле 4 бутылки пива или минеральной воды, или 4 же чашки кофе. Вышколенные арабы-стюарды внимательно следили за всеми вкушающими пищу и, стоило тебе поднять взгляд от тарелки, мгновенно возникали перед тобой со слащавой улыбкой и неприличным предложением открыть бутылочку пива или воды. Я возненавидел их гадкую угодливость, мерзкие неискренние улыбки и нескрываемое чувство превосходства над окружающими. И где только набрали этих мерзких типов!? Замечательные кварцевые наручные часы-штамповка стоили столько же, сколько стоила бутылка отвратительного египетского пива, поэтому я улетел из Каира, так и не попробовав ихнее знаменитое пиво «Stella», но осчастливив друзей часами и очень дешёвыми сувенирными папирусами. Наши кураторы, отрывая от госбюджета по 10 долларов на представителей культуры, конечно же, не могли предположить, что нам захочется сходить, например, в великолепный Каирский музей или, скажем, в туалет, находящийся вне отеля. Так что, в тот раз из Каира я никаких книжек не привёз.

Зато много книг мы обычно привозили из поездок по выбору натуры. Заезжая в любой посёлок или большую деревню, мы первым делом интересовались, где у них книжный магазин. В одном казахском ауле я приобрёл – вы не поверите – трёхтомник «Опытов» Монтеня и 2 тома «Мифов народов мира», которые в Москве можно было, похлопотав, достать за десятикратную стоимость.

Никто не знает, по какому принципу распределялась по торговой сети печатная продукция, но мы поняли – чем дальше населённый пункт от так называемых культурных центров, тем больше там неожиданной и превосходной литературы. Деяния наших чиновников от торговли и всякой там пропаганды не соответствовали никакой логике и здравому смыслу. (В письме

«Созвездие Быка на карте Родины» я рассказал об освежителе воздуха для туалетов – одном из двух товаров на пустых полках магазина в глухой деревне Саратовской области. Вторым товаром был крем после бритья с витамином F. Больше там не было ничего. Но это – картинка из конца 2000-го года). В Советском Союзе прилавки магазинов не пустовали, но чаще всего были завалены ненужными товарами. Например, в бескрайних степях Казахстана я встречал в продаже бензопилу «Дружба», а также ласты и другие принадлежности для плавания. И, поверьте, мало бы удивился, если бы увидел в магазинах Туркмении лыжи и валенки. В провинциальных книжных магазинах вечно было не найти детских книг, учебников и школьных тетрадей, зато встречались труды Джонатана Свифта и великая книга Эразма Роттердамского.

В экспедициях мы заводили знакомства с продавщицами книжных и букинистических магазинов и удачно пополняли свои библиотеки. Особенно выгодно было ходить по магазинам с известными артистами и, «примазываясь» к их популярности, получать свою долю дефицита.

Ещё книги спасали в трудные времена, коих, к сожалению, было много. Когда «костлявая рука голода» в очередной раз сжимала стенки желудка, я нёс, как правило, дорогостоящие альбомы по искусству в букинистический магазин, успокаивая себя тем, что качество полиграфии растёт, значит, скоро выпустят более хорошие альбомы, которые я смогу купить, когда утрясются финансовые проблемы. Оценщик сверялся с каталогом, и кассир сразу же выдавал деньги, вычтя справедливые 20 % за труды магазина. Со временем действительно выпускались новые альбомы, правда, возникали и новые финансовые проблемы. Поэтому, когда кто-либо из друзей дарил мне очередной альбом, я просил его сделать дарственную надпись на титульном листе – это было почти гарантией того, что альбом останется у меня.

Времена меняются, отношение к книгам – тоже, и теперь продать книгу не так-то просто. Зато достаточно легко можно приобрести почти любую книгу. Помнится, в так называемые «лихие девяностые» на любом книжном развале спокойно продавалась «Mein Kampf» несостоявшегося художника Адольфа Шикльгубера. О, времена! О, нравы!..

А в 70-х и 80-х я безуспешно искал любую книжку моего любимого Виктора Конецкого, пока директриса какой-то районной библиотеки в сибирском городе Междуреченске, узнав об этой моей беде, не выкрала из собственной же библиотеки нечитанный двухтомник Конецкого и не подарила его мне.

Теперь не слишком капризному библиофилу вовсе не обязательно ходить в библиотеки и книжные магазины – многие издания можно легко найти в Интернете. Книга стала настолько доступной, что, на мой взгляд, пропала радость обладания новой книгой, и вообще изменилось отношение к **слову**.

Раньше охота за книгой была для многих подчас важнее и интересней самой книги.

На хорошие книги тоже была мода. По характеру домашней библиотеки можно было судить о социальном и интеллектуальном уровне хозяина, его интересах, связях, финансовых возможностях и т. д. Кажется, в середине 70-х началась подписка на двухсоттомник избранных произведений классиков мировой литературы. Издатели предполагали осилить этот проект лет за 10. Ажиотаж был просто сумасшедший. Те, кому каким-то чудом удалось оформить эту подписку, вызвали у прочих чувство жгучей неизбывной зависти и злости на свою несчастную судьбу. Не очень понятно, кто и по какому принципу составлял проект этого двухсоттомного книжного монстра, но довольно скоро стало ясно, что многие авторы и их произведения нормальным людям не очень нужны. Ажиотаж, тем не менее, не угасал. Но на полках букинистических магазинов стали появляться отдельные тома, и многие по инерции их покупали и с гордостью ставили в свои шкафы. Правда, я не встречал ни в одном доме больше 50–60 томов, да и те, по большей части, стояли «для красоты».

Если вам придётся делать декорацию советской квартиры 80–90-х годов, хозяева которой имеют «среднеинтеллигентный» статус, «вышесредний» доход и **нужные** связи, постарайтесь найти и изготовить хотя бы корешки суперобложек того двухсоттомника. Это очень

характерно и недорого в изготовлении. Ещё в таких домах непременно были в моде любые подписные издания и полные собрания сочинений (неважно – кого). Корешки изготовить тоже несложно. (Кстати, совет о **нужных** связях. Старайтесь, по возможности, спекулировать на остатках бескорыстной любви народа к кинематографу – заводите любые **нужные** для работы и жизни знакомства. Дружите с хорошими **нужными** людьми, которых некоторые циники так и называют – **нужники**).

Ещё вам надо знать, что одним из показателей достатка и благополучия крепкой советской семьи на протяжении нескольких десятилетий была хрустальная и фарфоровая посуда, которую хозяйки держали в своих квартирах на самом виду за стеклянными дверцами сервантов и буфетов и которой эти хозяйки не позволяли пользоваться никому и никогда. Еде-то к середине 60-х все эти «хрустали» и любовь к ним были всенародно высмеяны и обозваны одним оскорбительным словом – «мещанство». Постепенно с застеклённых и «зазеркаленных» витрин сервантов исчезла не только дорогая во всех смыслах посуда, но и сопутствующие статуэтки и прочие слоники. Теперь на самом видном месте в квартире семьи, не желающей быть «мещанской», красовались книги, которыми, впрочем, тоже, чаще всего, не позволялось никому пользоваться, и уж тем паче – выносить из дому. В иных домах я встречал полушутливые надписи, которые остужали желание гостя попросить у хозяев книжку на время: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!». Знаете, а по тому времени это было правильно. Я потерял много книг, давая друзьям их почитать. А некоторые из друзей и вовсе не считали зазорным умыкнуть у тебя понравившуюся книгу.

В кабинетах начальников самых разных рангов книги тоже были непременным антуражем и атрибутом. В кабинетах Больших Начальников в застеклённых шкафах обязательно стояли все тома полного собрания сочинений Ленина (а примерно до 55-го года – и Сталина) и Большой Советской Энциклопедии. Остальная литература – по усмотрению хозяина кабинета и профилю его работы. Некоторые начальники скромно напоминали, что они – люди интеллигентные, выставляя напоказ подписные издания, например, Пушкина, но не Достоевского. А в кабинете начальника Бутырского СИЗО в 1975-м я видел, кроме «непременного набора» книг, ещё и все тома прекрасно сохранившейся **антикварной** энциклопедии Брокгауза и Ефрона, явно попавшей туда не **по разнарядке**, а, скорее всего, подаренной ему кем-то из подследственных.

Вспомнился анекдот:

Берия приказал повесить в своём кабинете портрет Пушкина, объяснив удивлённым подчинённым:

– Это он первым призвал: «**души** прекрасные порывы!».

* * *

Пожалуй, стоит рассказать ещё об одном благом эксперименте, затеянном году этак в 1973-м, при помощи которого чиновники страны Советов в очередной раз собирались «убить» двух, а то и больше «зайцев» – утолить духовный голод народонаселения и одновременно якобы сохранить миллионы гектаров леса, истребляемого для производства бумаги, используемой, в частности, и в книгопечатании. Придумка была, как всегда, гениальной: гражданин сдаёт в приёмный пункт 20 кг макулатуры, а взамен получает талон, который даёт ему право приобрести хорошую книгу, изданную специально для поощрения интеллектуальных сборщиков макулатуры. Духовной жаждой томимый народ кинулся собирать макулатуру. Началась буквально всеобщая охота за бумагой и её производными. В азарте охоты обычно добропорядочные и законопослушные граждане часто преступали законы морального и уголовного кодексов. Очистив свои чуланы и антресоли от старых газет, журналов, растрёпанных детских книжек и писем друзей, солидные люди стали воровать с работы любые бумаги, бродить по

заворкам магазинов в поисках бесхозной картонной тары и беззастенчиво рыться в мусорных контейнерах. Наши люди перестали выбрасывать пустые пачки-коробки из-под тортов и пельменей, стирального порошка и сигарет... Некоторые из моих знакомых буквально свихнулись: они утрамбовывали в бумажные мешки всё бумажное – от конфетных фантиков до специально сохранённых троллейбусных билетиков. Они обзавелись безменами и периодически взвешивали эти мешки. И это были люди, квартиры которых были битком набиты самыми разными, нужными им книгами! Они обвиняли меня, долго не поддающегося всеобщему ажиотажу, в нелюбви к деревьям, лесам и Родине. Их, имеющих огромные домашние библиотеки, судя по всему больше интересовало участие во всеобщем полезном мероприятии, чем книга, которую они смогут купить за эти проклятые 20 кг... А самой первой книгой, я бы сказал – Книгой с большой буквы – обещали выпустить замечательную и совершенно необходимую в домашней библиотеке, можно сказать, настольную книгу, без чтения которой советскому человеку очень скоро наступит хана – «Королеву Марго» Александра Дюма.

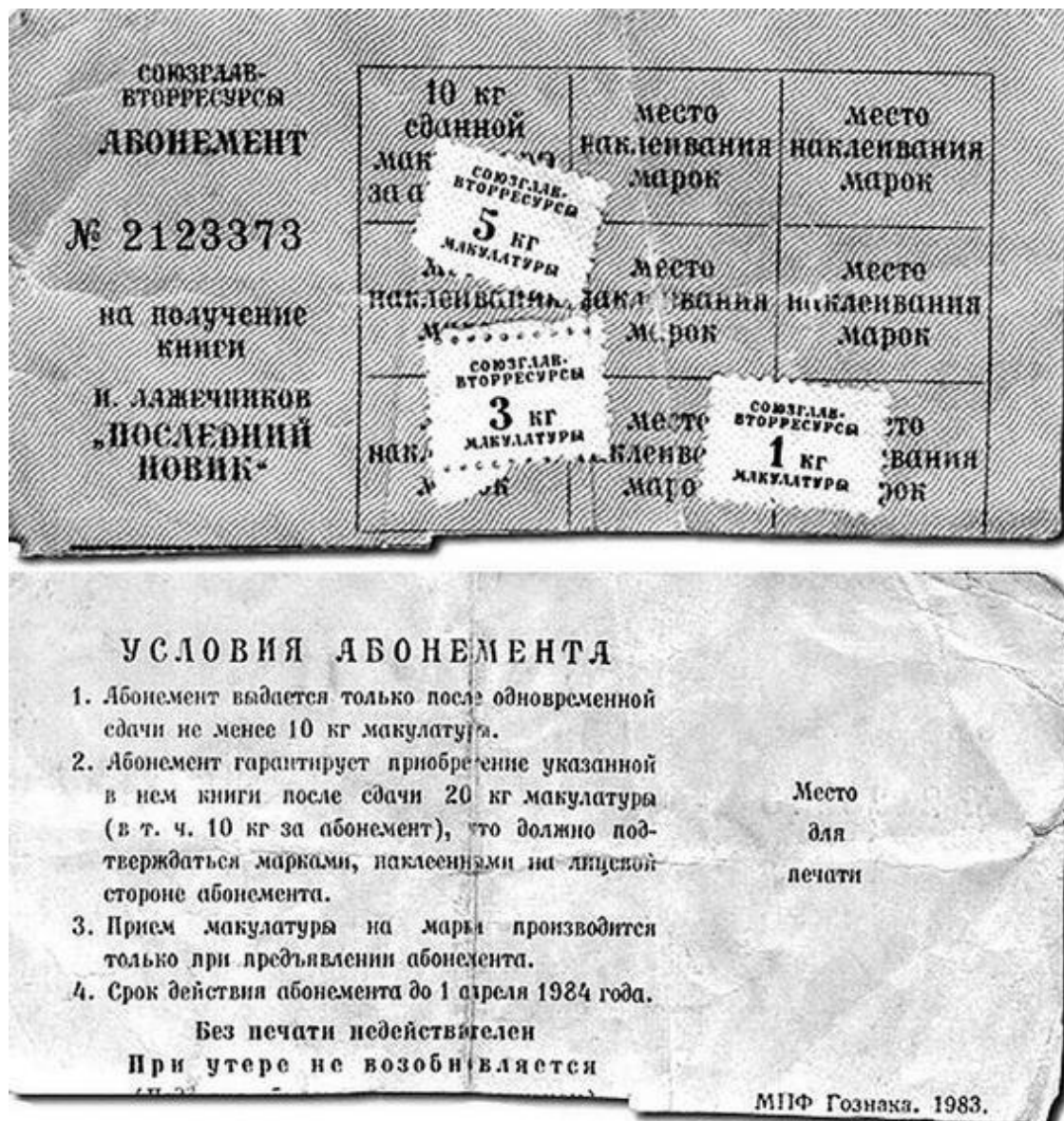
Затеявая столь мощную общегосударственную кампанию, власть, играя на лучших струнах души советского человека, предусмотрела, как ей казалось, всё. В стране была быстро создана огромная сеть приёмных пунктов макулатуры, проведена большая пропагандистская работа, организован транспорт и, наверное, усилены мощности всяких комбинатов, подготовлены кадры специалистов по приёму этого ценного вторсырья, выпущены всевозможные листовки и плакаты типа «Сдал макулатуру – спас дерево», отпечатаны и распределены талоны... И т. д., и т. п. Народ, изголодавшийся по неполитизированной литературе, самозабвенно собирал всякий бумажный мусор, тащил его на приёмные пункты, где мок и мёрз в очередях в ожидании заветного талончика на **право(!) покупки(!) книги(!)** – такой любимой и долгожданной «Королевы Марго»! Какие дальновидные политики придумали осчастливить народ именно версией судьбы несчастной королевы – неизвестно, но фокус удался: народ на время забыл о хронической нехватке колбасы и прочих продуктов питания тела. Тем более, что следующей обещали выпустить книгу аж самого сэра Артура нашего... Конан Дойла! И выпустили-таки, сдержали обещание! Была она, правда, уже в мягкой обложке, но, что поделаешь, в стране – дефицит картона и коленкора. Зато называлась книжка очень завлекательно – «Собака Баскервиль» и содержала, кроме собственно «Собаки», ещё семь наиизвестнейших с детства рассказов. Однако я слишком забежал вперёд.

Мудрые власть имущие чиновники (как выразился пару десятилетий спустя незабвенный премьер В. Черномырдин) хотели – как лучше, а получилось – как всегда. Восседавая в своих высоких кабинетах, они, как обычно, не учли такую мелочь, как так называемый человеческий фактор. Некоторые рассеянные граждане, мечтая о встрече с королевой, иногда увеличивали вес макулатуры добавлением металлолома. Но это – мелочи. Некоторые несознательные приёмщики, стремясь заполучить за свой героический труд лишние талоны, иногда оставляли тонны принятой макулатуры под дождём, а в сухую погоду поливали её из шлангов в свободное от работы время. Но это – мелкие издержки системы. Некоторые сомнительные личности, явно не сдававшие никакой макулатуры, предлагали купить талоны за умеренную цену. Но это – совсем уж не стоящая внимания чепуха.

Основная же масса сознательных и добропорядочных граждан трудолюбиво копила и сортировала свою макулатуру, вынимала скрепки и пружины из исписанных школьных тетрадей, связывала стопки бумажным шпагатом, везла плоды своих усилий к ржавым пунктам приёма и терпеливо, невзирая на погоду, – бывало, отмечаясь с вечера, – стояла в очередях на получение клочка бумаги с цифрами, означающими вес их лепты в дело спасения родной природы.

Чиновники слегка «зачесали репу», когда выяснилось, что талоны, напечатанные в некоем соответствии с предполагаемым тиражом «Королевы», кончились, а горы макулатуры всё росли и росли. Тогда было всенародно объявлено, что планируется ещё выпуск большин-

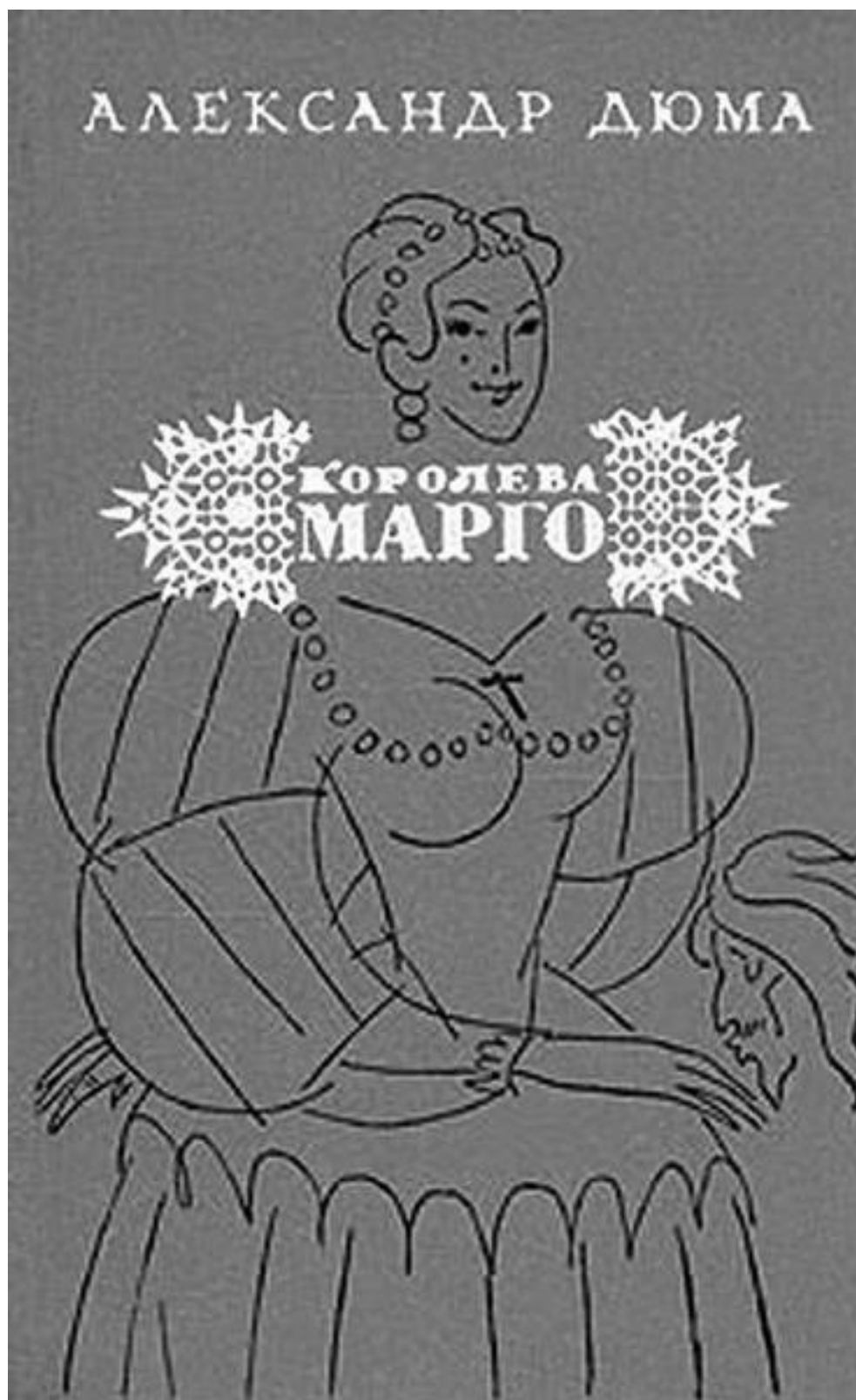
ства шедевров Дюма и других, не менее великих писателей – список прилагался. Это подстегнуло народные массы к новым ухищрениям и разного рода хищениям. Тысячи и тысячи учреждений, доселе ежегодно и **планово** избавлявшиеся от накопившегося архивного хлама, перестали выполнять этот государственный план – многие тысячи тонн некогда «ценных бумаг» ушли за талоны, которые, к слову, были приравнены к ценным бумагам, имея на аверсе номера, как на денежных знаках, а на реверсе – устрашающую надпись: «Подделка абонементов карается законом». (На данном абонементе 1983-го года, к сожалению, эта фраза оказалась срезанной, можно разглядеть лишь верхушки букв «П» и «б» и «хвостики» скобок). Тысячи и тысячи библиотек по всему необъятному Союзу провели учёт и переучёт своих фондов и избавились от **обветшавших** книг, основную массу которых составляли нечитанные труды классиков марксизма и всевозможные материалы по съездам КПСС. И всё это несметное богатство было брошено под ноги «Королевы»! Государство взвыло. В срочном порядке были запрещены к приему книги с библиотечными штампами и в твёрдых переплётках, газеты и журналы в подшивках, архивные и другие папки, имеющие металлические скоросшиватели. Приёмщикам макулатуры было велено строго соблюдать новые правила приёма, что позволяло им ещё больше куражиться над гражданами, которым они и ранее, как правило, не платили определённые государством 2 коп. за 1 кг. Как думаете – помогло такое усиление контроля? Из продуктовых магазинов практически исчезла всяческая «завёрточная» бумага (полиэтилена тогда ещё не было), на афишных щитах и тумбах месяцами не обновлялась реклама, а во множестве всевозможных НИИ тоннами бесследно исчезали перфокарты для ЭВМ – «бабушек» нынешнего компьютера.

Абонемент на ПОЛУЧЕНИЕ книги

Народ спешил утолить духовный голод, надолго забыв о хлебе насущном.

Александр Дюма, побывав в своё время в России, самовлюблённо заявил: «Русские читают только меня! Это делает честь их вкусу...». Если бы он дожил до 1974-го, то лопнул бы от счастья и зависти к самому себе. Он, довольно откровенно презираемый большинством писателей, был почитаем только Максимом Горьким и, как оказалось, так беззаветно и непререкаемо любим нашим многомиллионными многонациональным советским народом, что страна «встала на уши»!

Обложка заветной книги

Да, теперь, издавека, всё видится достаточно весело. А тогда, заполучив, наконец, вожденный талон со всеми необходимыми марками и печатями, ты только-только вступал на путь мытарств и унижений. «Королева» была растиражирована в 500 000 экземплярах. Но разве это много – полмиллиона – для «самой читающей страны в мире»? Те, кто, так или иначе, был ближе к «товару», хорошо на нём «грели руки». Все остальные обладатели **права на покупку**

книги, сбегая с работы и учёбы, вслепую метались по книжным магазинам, где их чаще всего встречало объявление: **«Королева Марго» кончилась, осталась только «Собака Баскервиль»**. Миллионы пар башмаков, стоптанных в поисках несчастной «Королевы», тысячи несбывшихся надежд и обретённых разочарований, сотни разбитых судеб и расквашенных носов в драках у дверей и прилавков магазинов в стремлении обладать ею, десятки инсультов и инфарктов... Этот Великий Всесоюзный Макулатурный Эксперимент ещё ждёт своего исследователя или, как минимум, сценариста. Если бы я, досконально изучив тему, написал некое эссе, то, скорее всего, назвал бы его **«Королева Марго» и Великая Советская Макулатура**».

А теперь внимательно рассмотрите картинку – не зря же я её для вас разыскал. На ледериновом переплёте цвета спелой моркови художник смело изобразил **нечто**, на мой взгляд, **не поддающееся никаким пристойным комментариям**.

Да, чуть не забыл. Я ведь, в конце концов, поддался уговорам друзей и всесоюзному ажиотажу, прошёл тогда всю «цепочку» и теперь записал эту историю по собственному опыту и воспоминаниям, являясь счастливым спасителем родной природы и почётным обладателем и «Королевы», и «Собаки». Специально для вас раскопал в своих завалах книжонку любимого сэра Артура, стоившую 56 копеек (цена аж двух батонов хлеба или одиннадцати поездок на метро, или почти двух пачек сигарет «Ява») и множества трудов, мытарств и унижений, чем хочу доказать вам, что я, по роду нашей профессии вынужденный очень часто вырубать деревья и другие «зеленные насаждения» ради красоты кадра, **тогда спас несколько веточек**, которые, надеюсь, разрослись, по-своему благодарны мне. Обложку, как видите, отсканировав по частям, я старательно собрал воедино, дабы вы смогли в полной мере оценить уровень мастерства художника и степень его «глубины погружения в тему».

Разворот обложки сборника «Собака Баскервиль»

Вы не обращали внимания, что на корешках всех **русских** книг шрифт пишется снизу вверх, а на всех **иноязычных** – сверху вниз? Почему? Мы и в этом **не такие, как все**? Ведь кто-то когда-то **придумал именно так и УЗАКОНИЛ!** Казалось бы, какая разница – наклонить голову влево или вправо, когда книги стоят на полке? Но положите **русские** книжки на стол – хоть стопкой, хоть поштучно. Положили? А теперь вам придётся встать на голову, чтобы прочесть название книги. Неудобно? Вот и приходится класть книги «мордой» вниз – некрасиво, но удобно. Я неоднократно спрашивал разных издателей, **откуда так повелось?** Не знает никто. Но традицию изменить тоже не рискнул никто, даже **частные** книгоиздатели.

Такие вот мы – особенные во всём!

Вспомнился анекдот, почти похожий на правду. Когда наши инженеры проектировали первую российскую железную дорогу, они спросили Императора Николая Его:

– Нам ширину колеи делать такую же, как в Европе или шире?

– На... шире? – грубо удивился царь-батюшка.

С перепугу ли, сдуру, но перепутали интонацию Императора с вопросительной на восклицательную, и вот уже, почитай, 150 лет серьёзно мучаемся на всех границах, переставляя все вагоны на другие колёсные тележки, потому что **наша колея** шире, хотя и на лилипутский, но всё же – размер... И изменить это никак невозможно.

А про книжно-макулатурный бум я ёрничал по причине вечной, непрестанной тоски и боли за нас, **особенных**. По моим наблюдениям, с приходом эры компьютеров – парадокс – бумаги стали изводить в десятки раз больше, а макулатура вообще никого не интересует. Только за последние несколько лет, изъездив Архангельскую, Нижегородскую, Ярославскую, Московскую, Тверскую области, Горный Алтай и Пермский край, я имел печальную возможность воочию убедиться, сколь **мы деградировали**, чудовищнейшим образом истребляя **ЛЕС**, который издревле был **НАШИМ БОГАТСТВОМ**. То, как безнаказанно и безобразно расхищается это богатство, нельзя назвать даже **хищничеством**, потому что **любой хищник** ведёт себя **разумно**, в противном случае он и его потомство в ближайшее время сдохнут с голоду. И только на Нижегородчине я видел микроскопического размера (2–3 гектара) делянку, **засаженную** молодыми соснами. Везде, везде лес **только ВАЛЯТ**, валят торопливо, неумело и нещадно. Некрасов с его «Плакала Саша, как лес вырубали» умер бы на месте, увидев современную мощь машинных и алчность человеческих монстров. Извините, ненароком «сковырнул» ещё одну «болячку».

Стыжусь, но в деле спасения родной природы посредством сдачи макулатуры я тогда принял минимальное участие, ибо ни на «Женщину в белом», ни на «Перстень с печаткой», ни на «Похитителей бриллиантов», ни на серию «Проклятых королей», ни на «Голову профессора Доуэля», равно как и на все другие последующие «макулатурно»-литературные издания, меня не хватило.

* * *

Теперь я редко покупаю беллетристику. Многого нахожу в Интернете. Но – вот беда – часто бывает так, что, найдя в Интернете безуспешно искомое ранее произведение, я, обрадовавшись и даже напечатав и сброшюровав его, быстро и благополучно забываю о нём, так и не прочтя. То же происходит и с фильмами. У меня лежит с десятков дисков с бывшими новинками кино, которые посмотреть я так и не удосужился. Может быть, это нормальное свойство любого обладателя – терять интерес к предмету обладания? Во всяком случае – это тема для размышлений и всяких обобщений.

И, может быть, потому нынешняя молодёжь, на мой взгляд, менее любопытна, что всё стало более доступно?

Когда-то, в студенчестве нам дали всего лишь на ночь почитать «Окаянные дни» Бунина. Это были листки папиросной бумаги со «слепым» машинописным текстом и большим количеством раздражающих опечаток, но мы втроём напеременку почти всю ночь читали вслух, отвлекаясь на восторги и комментарии. Спустя годы, обнаружив в Интернете и распечатав «Окаянные дни», я «пробежал» глазами страниц 5–7, улыбнулся, что многое хорошо помню, и куда-то положил. Отчего пропал интерес?

Известно – запретный плод сладок.

В босоногом, вихрастом детстве, находясь в деревне, я совершал с местными пацанами набеги на колхозные сады, рискуя получить заряд соли в какую-нибудь часть тела. Мы набивали полные пазухи незрелыми яблоками, которые потом, надкусив и скривившись от оскомины, безжалостно выбрасывали. И хотя в своих садах такой же кислятины – завались, мы лезли в чужие, потому что – нельзя, потому что – опасно.

Мы иногда читали запрещённую литературу не потому, что она хорошая, а потому, что она – запрещённая, опасная.

Когда-то, не успев дочитать один из томов «Архипелага ГУЛАг», я переснял его на фотоплёнку, о чём упоминал выше. Но я не рассказал, что, пересняв, отдал книжку и успокоился. Кучу кассет проэкспонированной фотоплёнки я проявил лишь через несколько лет, когда срок годности плёнки уже истёк. Мне всё же удалось напечатать с плохих негативов страниц 20–30, и я снова успокоился – ведь теперь негативы не погибли. Когда, наконец, «Архипелаг» появился в продаже, я купил пару томов, но, признаюсь, тоже толком не читал. 31-го июля 2010 года, я, вернувшись после съёмок в менее задымлённый, чем Москва, Переславль-Залесский, купил в гостиничном киоске «В круге первом», который тогда, когда он существовал только в «списках», мы зачитывали до дыр. Интересно, достанет ли у меня сил, желания и досуга прочесть его теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.